

Николай Алефиренко
Белгород, Россия

ИДИОМАТИКА В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Потенциально важная информация как объект чувственного переживания обычно нуждается не столько в объективном и беспристрастном номинировании, сколько в экспрессивно-образном знакообозначении, которое передавало бы ценностно-смысловые отношения к ней субъекта познания. Со столь сложной коммуникативно-прагматической задачей знакам прямой номинации справиться непросто. Поэтому языковое сознание, подключив ассоциативное мышление, вынуждено искать для этих целей знаковые опосредователи косвенно-производного характера, наиболее яркими среди которых являются идиомы, или фраземы.

Фразеологическое картирование мира, в нашем понимании, – процесс *когнитивно-семантический*. Такого рода утверждение обязывает нас осмыслить лингвокреативную деятельность когнитивных механизмов, обеспечивающих косвенно-производный семиозис для обозначения модусных концептов, лежащих в основе формирования фразеологической семантики. Решение столь сложной задачи во многом зависит от понимания совместной работы двух взаимосвязанных узлов: а) отвечающего за выбор признака, обуславливающего появление того или иного лексико-семантического варианта в качестве фраземообразующего компонента и б) его ассоциативно-смысловую связанность с образом того объекта, который нуждается в косвенно-производной номинации. Именно работа этих узлов фраземообразующего механизма генерирует те приращённые смыслы, которые преобразуют аналитическую семантику свободносинтаксического прототипа в обобщенно-целостное значение идиомы, несводимое к сумме значений фраземообразующих лексем. Такое понимание сущности идиоматизации, хотя обычно и принимается на веру, нуждается в когнитивно-семантическом истолковании. Здесь многое ещё можно отнести к ономаσιологическим загадкам:

- во-первых, неясно, каковы когнитивные механизмы формирования семантики фразеологизирующегося сочетания;
- во-вторых, необходимо выявить когнитивно-дискурсивные факторы, определяющие векторы смыслового ассоциирования образов первичной и вторичной денотации.

Ярким примером работы когнитивно-дискурсивных механизмов фразеологической репрезентации отдельных фрагментов картины мира может служить украинская фразема *сідлати/осідлати свого коника* (рус. *седлать / оседлать (запрягать / запрячь) своего [любимого] конька*). В.Н. Телия в качестве когнитивного основания фраземы рассматривает её производность от слова *конёк* – ‘увлечение, слабость, хобби’. При этом обращается внимание на калькирование этого слова с французского *C'est son dada*, являющегося в свою очередь калькой с английского *It is his hobby horse* (букв. ‘Это его любимая лошадка’). Предполагают также, что возникновение фраземы связано с мифическим Пегасом – символом поэтического вдохновения. Тем самым когнитивно-дискурсивный механизм смыслообразования фраземы объясняется через сопряжение двух кодов культуры – антропологического и зооморфного. Однако такая интерпретация оставляет без объяснения главное: почему данная фразема стала выразителем дискурсивного представления стереотипа «многословие на излюбленную тему». Всё это побуждает к поиску когнитивно-дискурсивных стимулов столь неожиданного косвенно-производного именованья в этнокультуре. Некоторые разъяснения в этом плане находим в словаре-справочнике В. Жайворонка¹. Автор усматривает когнитивно-дискурсивные истоки фраземы в украинской этнокультуре, где была достаточно популярной «народна дитяча гра в м'яч, коли той, хто

¹ Жайворонек В., Знаки української етнокультури, Київ 2006. С.287.

зловив м'яч, сідає на того, хто кинув, і кричить: «Продай коня!». Данная версия ценна именно своей дискурсивной составляющей. Следовательно, одним из основных механизмов фразеологического картирования мира служат ассоциативно-образные фреймы², позволяющие рассматривать когнитивно-семантическую структуру фраземы как некий комплекс знаний, фиксируемых косвенно-производным языковым кодом.

Репрезентация знаний о первичной денотативной ситуации, нуждающейся в коммуникативно-прагматической аранжировке, первоначально представляется предзнаком, затем через пропозициональную матрицу и ментальную модель – пропозицией, проецирующей фреймовую структуру фразеологического значения (ФЗ). Фрейм наиболее типичная для фразеологической семантики когнитивная структура потому, что знания в ней структурируются вокруг некоторого концепта, с которым и ассоциируется основная, типичная и потенциально важная информация (ср³: Дейк ван Т.А., 1989: 16). Структура ФЗ в таком случае приобретает полевою организацию: его ядро по своему генетическому источнику соотносится с концептом, а периферия – с субконцептами единого фразеобразующего фрейма. Соотносимое с концептом ядро ФЗ представляет собой его интенционал, а периферия, соотносимая с объединёнными во фрейм субконцептами, – импликационал. Так, ядром значения неопределённой фраземы *железный занавес* – ‘информационный, политический барьер’ служит концепт «пограничный барьер», обобщенно представляющий вторичную денотативную структуру «заграждение, глухая стена». Кстати, жизнь этому выражению дало использовавшееся в театрах VIII века приспособление – железный занавес. Так как в театрах того времени использовалось пожароопасное свечное освещение, то в случае пожара на сцене опускался занавес, чтобы уберечь зрительный зал от огня. Затем это словосочетание становится устойчивым с открыто неодобрительной коннотацией – ‘о политике, обусловленной идеологической борьбой и направленной на изоляцию какой-нибудь страны или группы стран от внешних связей и влияний’. Это выражение встречалось уже в годы Первой мировой войны. 23 декабря 1919 г. Ж. Клемансо заявил во французской палате депутатов: «Мы желаем поставить вокруг большевизма *железный занавес*, чтобы впредь не разрушать цивилизованную Европу». 23 февраля 1945 г. в журнале «Дас Райх» появилась статья Й. Геббельса. В ней говорилось, что, если Германия проиграет войну, СССР отгородит Восточную и Юго-Восточную Европу от остального мира «*железным занавесом*». Широкою известность выражение *железный занавес* приобрело после речи Черчилля в Вестминстерском колледже в Фултоне (США) 5 марта 1946 г.: «От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике на континент опустился *железный занавес*». Эту речь нередко считают началом холодной войны. В современной речи оно выходит за рамки политического дискурса. Ср.: 1. *Судебные приставы не пустят должников встретить Новый год за границей. Федеральная служба судебных приставов опускает железный занавес* (Travel.ru) – ‘запрет покидать пределы страны’. 2. На радио «Юность» работает авторская программа Сергея Маврина – «*Железный Занавес*». 3. «*Железный занавес*» (1994) – ‘полнометражный художественный фильм’. 4. На официальном сайте «Динамо» не так давно были опубликованы выдержки из интервью защитника «Динамо» Леандро Фернандеса британским журналистам: *По мнению 26-летнего аргентинца, «кельтам» придется столкнуться с «железным занавесом» в обороне бело-голубых, а его команде в первом матче достаточно отстоять свои ворота, чтобы на своем поле добиться необходимого результата* («Спорт», 28. 03. 2010); здесь *железный занавес* – ‘надёжная защита футбольных ворот’.

С первичным денотатом генетическими узами прежде всего связан импликационал (периферия ФЗ) «намеренно выстраивать непроходимые границы». Его денотативными

² Алефиренко Н.Ф., Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма: Монография, Белгород 2008.

³ Дейк, ван Т. А., Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ. Сост. В.В. Петров. Под ред. В.И. Герасимова, М 1989. С.16

коррелятами являются две устойчивые ситуации: а) «выстраивать непроходимую преграду», б) «внешняя политика закрытого общества» и в) «барьер, глухая стена». Именно эти денотативные ситуации служат аферентно-ассоциативными источниками фразеологической коннотации *первой степени*: «идеология закрытого общества», ассоциирующаяся с известным предметным образом «железного занавеса» и т.п. Позже уже на основе ингерентных ассоциаций формируются фразеологические коннотации *второй степени*: «барьер, глухая стена». Благодаря тому, что выделенные коннотации находятся между собой в определенных смысловых связях (генетических, парадигматических, эпидигматических), они образуют сложную импликациональную структуру фреймового типа. Если использовать этнокультурологическую терминологию Е. Бартминского, то можно говорить о том, что экзистенциальный фрейм ФЗ формируется сопряженной синергетикой разных культурных кодов – вербального, поведенческого, мифолого-идеологического и предметно-символического⁴. При этом смыслообразующим источником фразеологической семантики выступает к о н ц е п т, когнитивной основой интерпретанты фразеологического знака – ф р е й м, а фразеомообразующими конструктами – архетип, концепт и символ. Прежде всего, крайне важными для фраземосемиозиса свойствами обладают архетипы. Вспомним, что под а р х е т и п а м и понимают «мифологические компоненты», которые описывают то, как душа *переживает* психический факт» (К.Г. Юнг). Это своеобразные «структурные схемы, структурные предвестники образов, существующие в сфере коллективного бессознательного» (Е.М. Мелетинский), которые выступают тем средством поэтического восприятия мира, которое нуждается в косвенно-производной (фразеологической) вербализации.

Фразеомообразующим свойством символа является его семиотическая ипостась, которая раскрывается в определении с и м в о л а как знака, *способного дискурсивно широко представлять архаический слой сознания*. Такое дискурсивно-семиотическое свойство превращает символ в особое кодирующее средство: он «и в плане выражения, и в плане содержания всегда представляет собой текст» (Ю.М. Лотман). Эта мысль Ю.М. Лотмана станет более понятной, если прислушаемся к С.С. Аверинцеву, утверждающему, что содержательная структура (символа)... многослойна.

К сущности фраземосемиозиса и определению той роли, которую в нём играет к о н ц е п т, применим афоризм «Мысль изреченная есть ложь», если, разумеется, помнить, что восприятие фразеомообразующей денотативной ситуации всегда осуществляется сквозь призму некой идеальной модели, уже существующей в нашем сознании. Последнее утверждение окончательно убеждает нас в справедливости данного изречения, поскольку любая модель по определению является упрощённым отражением реальной денотативной ситуации. Ведь всестороннее познание действительности предполагает познание и самого познающего субъекта как части самой этой действительности, что делает познание мира бесконечным.

Следует также напомнить, что любая модель обретает смысл только в рамках *определённой концептосферы*. Это справедливо для всех типов языковых знаков, даже терминологических единиц. Если же фраза сохраняет архетипические ассоциации, ее восприятие и понимание становится весьма размытым. Кроме того, любая модель имеет смысл лишь в пределах *определённого когнитивно-дискурсивного поля*. Известно, что многие коммуникативные недоразумения связаны с неоднозначностью языкового знака. Они значительно усугубляются, если языковые знаки способны вызывать архетипические ассоциации. Именно такими и являются фраземы. Например, слово *страдания* может обозначать как психическое состояние человека, его переживания, так и песенную разновидность русской лингвокультуры.

⁴Bartmiński J., Językowe podstawy obrazu świata, Lublin 2006. S.33.

Существенным фактором адекватной коммуникации является *уровень восприятия фраземы* и того высказывания, в котором она употребляется. Проще обстоит дело с пониманием фразем, в основе которых лежат *первичные денотативные ситуации*, содержащие «предметные» модели обозначаемой действительности. Например: *выжатый лимон, мухи не обидит, море по колено кому, пальца (палец) в рот не клади кому, наломать дров, шапками закидаем кого, язык без костей, желторотый птенец, мало каши ел, мутить воду, синий чулок, мыльный пузырь, за спиной, первая ласточка* и др. Это вполне осязаемые, обозримые, ощутимые, конкретно представляемые ситуации, отражаемые в виде конкретных образов. Коннотативные смыслы таких фразем находятся на заднем плане нашего языкового со-знания. Как правило, так воспринимаются фразеологические единства, единицы с ярко выраженным прототипом, по природе своей обладающие *двуплановой смысловой структурой*.

Однако большинство фразем обладают *суггестивной коннотацией*, что усложняет их когнитивный анализ. Породившая их когнитивная структура в таком случае понимается весьма неоднозначно и способна даже менять своё смысловое содержание в очень короткий с исторической точки зрения промежуток времени. Достаточно свежим примером может служить фразема *чёрный день* – ‘трудное, тяжёлое, порой трагическое время (иногда собственно день) в жизни кого-либо; трудности безденежья, несчастья’. Когнитивным субстратом фраземы служит концепт «Трудное время». Однако после пережитого в России дефолта 1998 года он приобрёл более конкретное смысловое содержание «День дефолта – 25 августа 1998 года».

В результате такой смысловой привязки концепта к конкретному событию нередко «возникает когнитивный диссонанс между сознательным и бессознательным восприятием архетипического символа». Пожалуй, самым доступным для восприятия фраземы является вызываемый ею в нашем языковом со-знании *образ*.

Образ – это *целостное, но неполное* представление некоторого объекта или класса объектов. Важно, что образ является не отдельным впечатлением; он в достаточной степени *систематизирован*, чтобы говорить о целостности восприятия. Иными словами, образ – не фотография действительности, но всё же отражает представления некоего субъекта (или множества таковых) об определенном феномене действительности. Помимо субъективности, для образа характерна также возможность различной интерпретации, в зависимости от социокультурного контекста современности.

Суть восприятия фразеологического образа сводится прежде всего к ощущениям/переживаниям, *довербальному восприятию*⁵. Лишь затем некоторые фразеологические образы могут подвергаться рациональному восприятию. В определённой степени восприятие фразеологического образа синергетично: ему свойственны целостность, системность, нелинейность.

Правда, целостность восприятия фразеологического образа носит преимущественно субъективный характер. Да и системность его восприятия соседствует с асистемностью. Действительно, системность обязательно предполагает *предварительную систематизацию* (аналитико-синтетическую деятельность), а целостность относится только к восприятию как таковому и никак не свидетельствует об осознании (животные также воспринимают объекты вполне целостно). В силу этой специфики фразеологический образ в концептуальном анализе может служить лишь *первичным материалом*. Полный же анализ фразеологической семантики опирается главным образом на концепты и фреймы, поскольку за каждой фраземой распознаётся то, что не подлежит точному определению⁶:

- 1) то, что чётко и однозначно описать языком *нельзя*;
- 2) «языковые игры», позволяющие от нескольких *разных* нечетких описаний перейти к сущности знакообозначения;

⁵Алефиренко Н.Ф., Живое слово: Проблемы функциональной лексикологии, М. 2009.

⁶Витгенштейн Л., Философские работы. Т. 1. М. 1994.

3) то, что невозможно подвести под понятие; в действительности «понятию» соответствует *не одно*, а группа схожих явлений. В связи с этим когнитивным субстратом фраземы служит «семейное понятие», объединяющее некое множество сходных сущностей и проецирующее не однозначное именование денотативной ситуации;

4) фраземы соотносятся не с образами реальных «сущностей», а с особыми *способами их вербализации*.

Такие когнитивные основания фразем, собственно, и подводятся под категорию концепта. Если подходить к пониманию фразеологического концепта в такой плоскости, то концепт – это ядро смыслового содержания фраземы.

В раскрытии фразеобразующего потенциала концепта целесообразно исходить из его культурологической ценности. Вспомним, концепты, вообще, истолковываются как «сосредоточение культуры в ментальном мире человека» (Ю.С. Степанов). Иными словами, фразеологические концепты служат опосредователями во взаимоотношении человека и культуры. Однако и здесь не всё так прозрачно и бесспорно.

Предложенное Ю.С. Степановым определение концепта как единицы культурно-ментально-языковой⁷ «прописывает» концепты в сфере языка. Возникает вопрос, следует ли из этого, что концепт – категория языковая? Если концепт признать единицей языковой, встаёт вопрос о его месте в ряду других единиц языка и, прежде всего, о соотношении концепта и языкового знака. Тот факт, что языковой знак и концепт имеют общий план выражения, создает своеобразную научную интригу, выводящую нас на парадоксальное утверждение: концепт – знак и концепт – не-знак. Не случайно, в некоторых работах используется понятие «слово-концепт». К тому же в теоретических работах по когнитивистике концепт почти всегда соотносится с основным номинативным знаком – словом. Однако, даже будучи теоретически разграниченными, они зачастую практически не дифференцируются. Ср.: «Семантическое описание слов-концептов народной культуры может быть произведено через указание их связей с другими концептами той же культуры. Описывая отношение исследуемого слова к другому слову, связанному с ним парадигматически или синтагматически, мы получаем частичное толкование интересующего нас слова. Сумма всех частичных толкований и будет достаточно полным семантическим описанием-объяснением слова-концепта»⁸. Однако подспудно во всех работах проводится мысль о том, что слово и концепт необходимо разграничить не только теоретически, но и на практике, при осуществлении семантического анализа.

Материалом для семантического анализа служат реализующие фраземы речевые контексты. Источниками сведений для постижения концепта являются, прежде всего, прецедентные единицы – фраземы, афоризмы, пословицы, поговорки и т.п.

Для такого рода разграничения прежде всего необходимо определить концепт. Оказывается, термин *концепт* настолько востребован, насколько и неоднозначен. Приведём лишь некоторые определения этого феномена. Концепт – это:

- «единица памяти», т.е. не языковое, а мыслительное образование одновременно;
- «единица ментального лексикона» (Е.С. Кубрякова);
- «единица мозга» (Ю.Н. Караулов), находящаяся между языком и мышлением;
- реальная единица лексикона, принимающая участие как в процессах порождения, так и в восприятии речемыслительных актов;
- единица коллективного и индивидуального знания (А.А. Залевская);
- многослойная структура смысла, связанная синхронно и диахронно с устойчивыми языковыми структурами;
- пучок представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний (Ю.С. Степанов);
- категория, «объединяющая визуальные, слуховые, вкусовые, вербальные и другие характеристики объекта» (В.А. Пищальникова);
- единица культуры, сгусток культуры в сознании человека.

⁷Степанов Ю.С., Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования, М. 1997.

⁸Никитина, Е.С., Устная народная культура и языковое сознание, М.1993. С.27.

В обобщенном виде данные суждения обычно сводятся к не лишённому противоречий определению: концепт – это ментальная единица, которая отображает систему представлений о каком-либо предмете или явлении действительности. В данном определении достаточно проблемными оказываются два момента: 1) является ли концепт только ментальной единицей, 2) способен ли концепт отображать систему представлений о каком-либо предмете или явлении действительности? Наконец, стоит задуматься над тем, (а) *отображает* ли концепт и (б) является ли он *системой* представлений? И вопросы эти не только сугубо теоретические. От их истолкования зависит прикладное понимание фразеологической роли концепта.

Для начального этапа осмысления взаимосвязи концепта с фразеологической семантикой обратимся к определению когнитивного коррелята фразеологического значения, сформулированного И. Павилёнисом: «Концепт – это информация относительно актуального «или возможного положения вещей в мире (т.е. то, что индивид знает, предполагает, думает, воображает об объектах мира)»⁹. ФЗ фокусирует в себе как раз то, что индивид знает, предполагает, думает, воображает о номинируемой действительности. Ср.: *втаптывать* (*затаптывать*) *в грязь* кого; *смишивать с грязью* – 1) кого ‘всячески унижать, оскорблять, чернить’; 2) что ‘порочить, чернить, дискредитировать’. Отражая этнокультурное своеобразие языкового сознания, концепты провоцируют смысловую специфику содержательной структуры соотносимых фразем даже в близкородственных языках. Ср.: рус. *всыпать по первое число* кому – 1. ‘сильно наказать, отругать кого-л.’; 2. ‘нанести жестокое поражение в бою, разгромить’ и укр. *на горіхи (на бублики) дістанеться* кому, *на кислички дістанеться (буде, перепаде)* кому – ‘кого-л. сильно накажут’. Налицо зависимость концептуального рисунка фраземы и её значения: разная модальность, разная семантическая структура (рус. фразема – многозначна, укр. – однозначна, хотя и вариативна); соотносятся фраземы по первому значению русской фраземы.

Пожалуй, наиболее ценным при освоении и применении термина *концепт* в когнитивной фразеологии являются «Константы. Словарь русской культуры» – фундаментальный труд Ю.С. Степанова (1997). По мнению автора, базовые концепты существуют «над индивидуальными употреблениями» и способ их «суммирования» в определении является генетическим. В качестве важнейших параметров фразеологического концепта выделим его историзм и темпоральные характеристики, а также его локализацию в этнокультуре. Такой подход к фразеологическому концепту, а также введение понятия «концептуализированная предметная область» в языке и культуре приводит к значительному расширению его содержания. В результате данного расширения стало возможным выделение такого важнейшего для когнитивной фразеологии признака концепта, как его культурная маркированность. Культурно значимый компонент фразеологического концепта объединяет все средства его объективации: устойчивые сочетания слов, мифологемы, ритуалы, вещи и материальные предметы, в том случае, разумеется, если они несут духовный смысл и выступают в роли символов¹⁰.

Именно таким содержанием наполняется понятие «концепт» и в работах А. Вежбицкой. Автор исходит из того, что на естественном языке нельзя описать «мир как он есть», так как последний изначально задает свою картину мира, а все значения являются субъективными, антропоцентричными и этноцентричными. Фразеологические концепты как этнографически специфичные феномены, убеждают в необходимости применения идеи А. Вежбицкой в когнитивной фразеологии: *вторичная концептуализация* внешнего мира заложена в языке¹¹. Нет сомнений в том, что именно во фраземах – знаках косвенно-производной номинации – отражаются не только особенности природных условий жизни или культуры, но и своеобразие национального характера народа. Такое понимание культурной маркированности фразеологического концепта, по сути, позволило Ф.Ф.

⁹Павилёнис Р.И., Проблема смысла, М. 1983. С.106.

¹⁰ Степанов Ю.С., Op.cit, с.

¹¹ Вежбицкая А., Язык. Культура. Познание, М. 1996. С.376-394.

Фархутдиновой¹² и Р.Х. Хайруллиной¹³ моделировать «фразеологическую картину мира» или «картину мира во фразеологии». Не вступая в дискуссию о том, насколько корректны эти термины, отметим, что расширенное использование в подобных работах понятия «концепт» позволяет наряду с «картиной мира» моделировать разные типы «языковой картины мира». Концепты, лежащие в основе фразем, не стремятся к тождеству с объектами внеязыковой действительности. Они находятся в отношении частичного пересечения и фрагментарно «достраивают» мир с помощью мифических и субъективно-оценочных категорий, становясь больше самих отражаемых объектов. Именно совокупность таких концептов образует картину мира национального языка¹⁴ (Корнилов О.А., 2000: 5-8), совокупность прототипов этих концептов – национальный образ мира, а совокупность фразем, репрезентирующих ценностно-смысловое пространство языка, – «фразеологическую» картину мира, представляющую мозаику предметно-чувственного восприятия действительности.

Phraseological viewing of the world is studied as the cognitive-semantic process which concludes the concept as base-meaning resource of this process, frame as the cognitive base of the interpretante of phraseological sign, archetype, concept, and symbol as phrazemaforming structures. The main idea deals with understanding of work of two connected junctions at cognitive-discursive mechanism of phraseological nomination: one junction controls the choice of indication which conditionals on phrazemaforming activity of lexeme, another junction controls associative-sense connection with view of subject of indirect-derivative nomination.

Key words: idiom, view of the world, image of the world, archetype, concept, symbol, frame, meaning

Tworzenie frazeologicznych obrazów świata jest rozpatrywane jako proces kognitywno-semantyczny, gdzie w charakterze źródła powstawania znaczenia występuje koncept, a kognitywnej podstawy - interpretatory znaku frazeologicznego (ang. frame), konstrukcjami tworzącymi frazemy zaś są archetyp, koncept i symbol. Szczególna uwaga zostaje poświęcona uświadomieniu sobie pracy dwóch wzajemnie powiązanych ośrodków kognitywno-dyskursywnego mechanizmu frazeologicznej nominacji: a) ośrodka, odpowiadającego za wybór cechy, uwarunkowującej tworzącą frazemy aktywność leksemu i b) jego asocjacyjno-znaczeniowe powiązanie z obrazem obiektu pośrednio-pochodnej nominacji.

---

¹² Фархутдинова Ф.Ф., «Взглянуть на мир сквозь призму слова...», Иваново. 2000.

¹³ Хайруллина Р.Х., Картина мира во фразеологии: Тематико-идеографическая систематика и образно-мотивационные основы русских и башкирских фразеологизмов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук, М.1997.

¹⁴ Корнилов О.А., Языковые картины мира как отражение национальных менталитетов: Автореф. дис. ... д-ра культуролог. наук, М. 2000.С.5-8.